

Тюрина С. Ю.

О ВЕЖЛИВОМ ПРЕРЫВАНИИ ДЕЛОВОГО РАЗГОВОРА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/93.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 221-224. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

вопля плачь... возвышенными гласы бедне... неприкладную... печаль по бозе нам возложиша всю» (21). Рассказ открывает Ивана Грозного с неожиданной стороны: оказывается, он не только немилосердный злодей, но и человек, способный испытывать глубокие нежные чувства. Так же, как другим людям, ему ведомы душевные муки, боль, он скорбит о преждевременной кончине сына, плачет горько пред Господом и совершает совместную с супругой молитву о даровании им дитя.

Таким образом, Иван Тимофеев пытается дать в образе Ивана Грозного характеристику живого человека, в котором причудливо переплетаются противоречивые по своей природе качества. Истинный царь всея Руси получает двойственную характеристику в памятнике: с одной стороны, образ царя идеализируется, что объясняется дидактическими целями писателя, одной из которых является отграничение истинных государей от самозванцев; с другой стороны, Иван Грозный предстает в тексте как сложная, противоречивая личность, совмещающая в себе добрые и злые черты. В художественной манере писателя сталкиваются два различных принципа: описание героя «по функции», т.е. в соответствии со средневековым «этикетом поведения», и описание героя по «видению» человеческого характера, отражающему внутреннюю суть исторической личности.

Список использованной литературы

1. **Временник Ивана Тимофеева** / Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. Державиной / Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Репринтное воспроизведение издания 1951 года. - СПб., 2004.
2. **Державина О. А.** Анализ образов повести XVII в. о царевиче Димитрии Угличском // Учен. зап. МГПИ. Каф. рус. лит. - М., 1946. - Т. 7. - Вып. 1. - С. 30.
3. **Державина О. А.** Историческая повесть первой трети XVII века (опыт литературного анализа «Летописной книги», приписываемой И. М. Катыреву-Ростовскому, «Временника» дьяка Ивана Тимофеева и «Сказания» Авраамия Палицына): Диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук. - М., 1958. - С. 404.
4. **Державина О. А.** Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // Временник Ивана Тимофеева. - СПб., 2004. - С. 366.
5. **История русской литературы.** Древнерусская литература: Учебное пособие для вузов / С. Н. Травников, Л. А. Ольшевская. - М.: Дрофа, 2007.
6. **Лихачёв Д. С.** Человек в литературе Древней Руси. - М.: Наука, 2006.
7. **Полосин И. И.** Иван Тимофеев - русский мыслитель, историк и дьяк XVII века. // Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. - М., 1949. - Т. 60. - Вып. 2. - С. 156.

О ВЕЖЛИВОМ ПРЕРЫВАНИИ ДЕЛОВОГО РАЗГОВОРА

Тюрина С. Ю.

Ивановский государственный энергетический университет

Вопросу о прерывании разговора посвящены в основном труды зарубежных учёных [Conley, O'Barry 1979; Beatti 1981; Bennett 1981; West, Zimmerman 1983; Murray 1985; French, Local 1986; Greenwood 1989; Tannen 1990; Ulijn, Li 1995].

Прерывание разговора само по себе рассматривается как невежливое, и даже враждебное речевое действие. Прерывающий видится агрессором, а прерванный собеседник - невинной жертвой. Прерывание разговора рассматривается как демонстрация власти, силы, как попытка доминировать в диалоге: "Interruption is an intrusion, an attempt to dominate..., a violation of someone's speaking rights" [Tannen 1990: 189].

«Прерывание» трактуется как одна из основных стратегий контроля диалога. В тоже время это нарушение правил и принципов экспектации (expectational principle) относительно правил мены коммуникативных ролей. Однако А. Гринвуд, исследуя речевое взаимодействие детей, отмечает, что чем больше прерываний содержит диалог, тем комфортнее чувствуют себя дети.

Исследователи разграничивают понятия "прерывание" (interruption) и "одновременное говорение" (overlapping). А. Беннет говорит о прерывании разговора, когда нарушаются права одного из говорящих ("violating another speaker's right and obligations"). Чтобы говорить о прерывании разговора, необходимо владеть следующими знаниями о собеседниках и ситуации: тема и продолжительность разговора, как долго говорит каждый из участников, их взаимоотношения, как они относятся к факту прерывания, а главное с какой целью один собеседник перебивает другого.

Для определения понятия "одновременное говорение" (overlapping) достаточно использовать механические критерии, поскольку любой человек, услышав диалог или запись на кассете, может определить, когда два человека говорят одновременно.

"Одновременное говорение" или "накладывание реплик" (overlapping) рассматривается Д. Таннен как одна из стратегий поддерживать постоянство течения беседы: "Overlapping is a way to keep the conversation going without risking silence" [Tannen 1990: 205]. Прерывание трактуется исследователем как одна из стратегий контроля диалога: "Interruption has little to do with beginning to make verbal sound while someone else is speaking, though, it does have to do with issues of dominance, control, and showing interest and caring" [Tannen 1990: 215].

К. Уэст и Д. Х. Циммерман рассматривают следующий пример как прерывание разговора, поскольку второй участник начинает речевой ход, в то время как первый ещё его не закончил.

Ex. 1. *Female*: So uh you really can't bitch when you've got all those on the same day but I uh asked my physics professor if I couldn't change that

Male: Don't touch that

Female: What? (pause)

Male: I've got everything jus'how I want it in that notebook, you'll screw it up leafin' through it like that.

С. Маррей говорит о прерывании разговора, когда один из участников неожиданно вводит новую тему, в то время как первый не дал никакого сигнала к смене темы.

Ex. 2. -I think that...

- Do you want some more salad?

Заметим, что с одной стороны, хозяин или хозяйка должны предлагать гостям угощение, неважно, говорит кто-то или нет. Но с другой стороны, если постоянно прерывать беседу, когда собираются что-то сказать или рассказчик дошёл до кульминации, чтобы предложить угощение, это уже вероятно будет трактоваться как нарушение прав говорящего или же выражение каких-либо скрытых мотивов.

Отечественный ученый Т. П. Третьякова, рассматривая динамику развития речевого взаимодействия, говорит о его элементах, таких как начало контакта, его поддержание, *прерывание* и закрытие. *Прерывание* учёный трактует как явление, противоположное поддержанию контакта. Т. П. Третьякова приводит примеры ряда стереотипов, с помощью которых осуществляется прерывание контакта. Высказывания, которые обслуживают этот тип речевого воздействия, основаны на побудительных структурах и призывают собеседника прекратить действие, в данном случае - речевое действие. Этот призыв может касаться следующих моментов: побуждение к прерыванию процесса говорения (причиной может служить недоверие к передаваемой информации или же раздражение говорящего); побуждение к смене темы разговора; побуждение к совершению какого-либо дополнительного действия.

Большую роль в трактовке понятия "прерывание разговора" играет индивидуальный стиль общения: "...interruption is a matter of individual perceptions of rights and obligations, as they grow out of individual habits and expectations" [Tannen 1990: 192]. Д.Таннен [Tannen 1990: 196] подробно описывает индивидуальные стили общения: "I call these styles "high-considerateness" and "high-involvement", because the former gave priority to being considerate of others by not imposing, and the latter gave priority to showing enthusiastic involvement". Для одних факт прерывания разговора - это попытка лишить их права говорить, а для других - это заинтересованность и участие в разговоре. Для первых характерны более длительные паузы, в то время как вторым кажется, что пауза затянулась, собеседнику нечего сказать и пауза заполняется, чтобы избежать молчания.

Учёный отмечает, что индивидуальный стиль во многом зависит от принадлежности к определённому социуму. Д. Таннен приводит интересный пример, описывающий встречу Нэнси Рейган и Раисы Горбачёвой. Во время встречи речевое поведение последней имело отрицательный коммуникативный эффект в связи с невозможностью для Нэнси Рейган прервать нескончаемую речь жены советского президента: "If cultural differences are likely to cause misjudgment in personal settings, they are certain to do so in international ones. I would wager that the much-publicized antipathy between Nancy Reagan and Raisa Gorbachev resulted from cultural differences in conversational style. According to Nancy Reagan, "From the moment we met, she talked and talked and talked-so much that I could barely get a word in, edgewise or otherwise." I suspect that if anyone asked Raisa Gorbachev, she would say she'd been wondering why her American counterpart never said anything and made her do all the conversational work" [Tannen 1990: 207].

Прерывание разговора может подвергаться влиянию со стороны культурных факторов. Культурно-обусловленные параметры этого влияния включают: индивидуализм в противопоставлении коллективизму; дистанцию власти; противопоставление "мужского" и "женского" типа культуры.

Противопоставление "мужского" и "женского" типа культуры в ситуации прерывания разговора получило достаточно широкое освещение в литературе [Hirschman 1973; Eakins, Eakins 1978; Beatti 1981; Tannen 1990; Мартынюк 1989].

Вопрос об уместности прерывания разговора в ситуации делового общения довольно сложен. В данном исследовании процесс деловых переговоров рассматривается как единая коммуникативная цепь, которая выстраивается из поочередных периодов говорения и слушания. Собственно речевой акт включает этап обдумывания с продолжительными паузами и этап вербального формулирования с короткими паузами. Предполагается, что компетентный слушающий правильно интерпретирует подобные временные перерывы разговора продолжительности.

В этой связи возникает вопрос о взаимоотношении между прерыванием и принятием паузы молчания, то есть, следует ли прерывать паузы молчания.

Общепринятым для эффективной коммуникации среди представителей западной деловой культуры является следующее: дать возможность говорящему партнеру закончить предложение и не терять времени на паузы (молчание). Однако финны, являясь представителями западной культуры, предпочитают не прерывать паузы молчания. Для восточноазиатских, особенно японских бизнесменов, паузы этого рода вполне приемлемы, тогда как для представителей латинских, особенно итальянской культур, прерывание собеседника и даже одновременность говорения нескольких участников является признаком заинтересованности в теме обсуждения. Поэтому, специального объяснения требует вопрос о том, в каких случаях можно считать вежливым прерывание паузы и как это связано с культурно-обусловленными представлениями о вежливости.

Вероятно, проявление вежливости в речевом взаимодействии диктуется как особенностями личного характера, так и соображениями культуры. Эти же факторы объясняют и различия в отношении к паузе.

Интересными представляются исследования на материале деловых переговоров с участием представителей различных культур [Wilson 1992; Ulijn, Li 1995; Bargiela-Chiappini, Harris 1995; Ратмайр 1997]. Так, например, причиной неудачи немецко-финских переговоров однажды оказались различия в паузации немецкой и финской речи. Финны воспринимали немецкий речевой стиль как невежливо-резкий, поскольку неправильно интерпретировали речевые паузы: то, что немцы воспринимали как сигнал окончания выступления, для финнов является лишь сегментирующей паузой [Ратмайр 1997].

Результаты исследований показали, что прерывание более характерно для китайской стороны, как в монокультурной, так и в межкультурной ситуации переговоров. Для китайской культуры прерывание является маркированным признаком. В целом стратегия прерывания в речевом поведении китайцев рассматривается как проявление определенных стереотипов, характерных для их языка и культуры. В тех же ситуациях прерывание используется гораздо реже финнами и голландцами [Ulijn, Li 1995].

В исследованиях на материале английских и итальянских деловых встреч отмечается значительное количество прерываний и одновременных высказываний. Участники, наделенные большей властью или влиянием, захватывают инициативу, и их высказывания перерастают в ряд монологов. Постоянное прерывание объясняется тем, что для латинских культур типичным является «полихронный» концепт времени [Bargiela-Chiappini, Harris 1995].

Однако результаты проведенных исследований не дают однозначного ответа на вопрос о вежливости или невежливости прерывания разговора, но в целом подтверждают универсальность концепта «вежливость».

В заключение представляется целесообразным сформулировать собственное определение понятия «прерывание» разговора, принимая во внимание различные подходы к данному явлению и принципы его анализа.

В *деловом общении* прерывание речевого действия говорящим совершается в строгих рамках соблюдения принципов *категории вежливости*, которые лежат в основе стратегий и тактик речевого поведения партнёров по деловой коммуникации. *Прерывание разговора* в деловом общении в настоящем исследовании понимается с позиции теории речевой коммуникации как *преднамеренное речевое действие, обусловленное ситуативными, социальными, культурно-языковыми, профессиональными и индивидуальными факторами, производимое с целью реализации определённого коммуникативного намерения говорящего, использующего различные речевые стратегии и тактики для достижения своей цели.*

Для комплексного анализа явления прерывания разговора необходимо учитывать следующие факторы:

- особенности различных типов дискурса;
- индивидуальный стиль общения коммуникантов;
- принадлежность к определенному социуму;
- противопоставление "мужского" и "женского" типа культуры;
- статус, социальные роли и взаимоотношения собеседников;
- намерения собеседников (т.е. с какой целью они прерывают разговор или собеседника);
- влияние факта прерывания на ход всего разговора.

Прерывание рассматривается как нарушение речевой коммуникации. Поэтому для достижения эффективности речевого общения все усилия говорящего направлены на поиск и использование разнообразных средств, относимых к категории дискурсивных маркеров, обеспечивающих связность и целостность высказывания.

Список использованной литературы

1. **Мартынюк А. П.** О реализации принципа вежливости в речи женщин и мужчин // Человек и речевая деятельность. - Харьков, 1989. - Вып. 339.
2. **Ратмайр Р.** Функциональные и культурно-сопоставительные аспекты прагматических клише (на материале русского и немецкого языков) // ВЯ. - М., 1997. - № 1.
3. **Третьякова Т. П.** Английские речевые стереотипы. - СПб., 1995.
4. **Bargiela-Chiappini F., Harris S. J.** Towards the Generic Structure of Meetings in British and Italian Managements // Text. - 1995. - Vol. 15.
5. **Beatti G. W.** Interruption in Conversation and its Relation to the Sex and Status Participants // Linguistics. - 1981. - Vol. 19.
6. **Bennett A.** Interruptions and the Interruptions of the Conversation // Discourse Processes. - 1981. - Vol. 4.
7. **Conley J. M., O'Barr W. M.** The Power of Language: Presentational Style in the Courtroom // Duke Law Journal. - 1979. - Vol. 1978.
8. **Eakins B. W., Eakins R. G.** Sex Differences in Communication. - Boston, 1978.
9. **French D., Local J.** Prosodic Features and Management of Interruptions // Intonation in Discourse. - London, Sydney, 1986.
10. **Greenwood A.** Discourse Variations and Social Comfort. - New York, 1989.
11. **Hirschman E.** Female-Male Differences in Conversational Interaction. - San Diego, 1973.
12. **Murray S.** Towards a Model of Members' Methods for Recognizing Interruptions // Language in Society. - 1985. - Vol. 13.
13. **Tannen D.** You Just Don't Understand. Women and Men in Conversation. - New York, 1990.

14. Ulijn J. M., Li X. Is Interrupting Impolite? Some Temporal Aspects of Turn-taking in Chinese-Western and Other Intercultural Business Encounters // Text. - Berlin, 1995. - Vol. 15.

15. West C., Zimmerman D. H. Small Insults: a Study of Interruptions in Cross-Sex Conversations // Language, Gender, and Society. - Rowly, 1983.

16. Wilson S. R. Face and Face Work in Negotiation. - L., 1992.

ЭВОЛЮЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ПОЭЗИИ АДРИАНА ХЕЙТСА

*Хорошевская Ю. П.
Южный федеральный университет*

На рубеже XX - XXI веков литература удивительным образом воспроизводит многие мировоззренческие и эстетические сдвиги эпохи «Fin de siècle», используя их в своих целях, включая в собственный идейно-художественный арсенал, который приобретает в этом случае откровенно аллюзийную природу. Объяснить данный феномен несложно. Обе эпохи носят переходный, кризисный характер, отмечены антитрадиционалистским пафосом, разочарованием в рационалистически обоснованной картине мира, в общепринятых ценностях культуры. Для обеих эпох характерен разрыв с предшествующими мировоззренческими концепциями, сомнения в достоверности научного знания. С одной стороны, мы замечаем, что ассоциативно-образный строй искусства наиболее полно отражает действительность и возвращает ей утерянную в процессе научного познания целостность. С другой - постулируется универсальный характер художественности и поэтичности всякого мышления. Среди мировоззренческих и эстетических переключек двух эпох, или отражений «Fin de siècle» в литературе XXI века, можно рассмотреть и возрождение интереса к декадентской системе ценностей, новое звучание мотивов декаданса в современном искусстве.

Сущностью мировоззрения эпохи «Fin de siècle», его основополагающими категориями являются не только мистицизм, эгоизм в его крайних проявлениях, экзистенциальный страх разъединения части и целого, идея двоемирия, но и жизнотворчество, попытка обособления в поэзии «я» от «не-я». Именно мотив «двойного бытия», одновременного существования в идеальной и реальной действительностях, соответствующих друг другу и взаимосвязанных, но вместе с тем - автономных при мнимости кажущегося тождества, тема двойственности личности с ее «внутренним» и «внешним» «я», где средством самоидентификации становится «личина», являются основополагающими как для творчества эпохи «Fin de siècle», так и для многих современных авторов. Поэт начинает чувствовать себя всечеловеком, мирозданием даже, органом речи всего существующего и говорит не столько от собственного лица, сколько от лица воображаемого, существующего лишь в возможности, чувств и мнений которого он часто не разделяет. К искусству творить стихи, таким образом, прибавляется искусство творить свой поэтический облик, слагающийся из суммы создаваемых поэтом «личин».

Постоянное присутствие «личины» в декадентском художественном дискурсе было обусловлено попытками самоопределения, самопознания и самореализации с активным стремлением скрыть свою истинную сущность и предстать перед зрителем не тем, кто ты есть на самом деле, а тем, кем ты хочешь быть в глазах публики и собственных более всего.

Декадентский автор, иными словами, выращивает своего фантомного двойника (эффект уединенного измененного сознания), стремится к себе «сверхчеловеческому» всеми возможными способами. Художественная форма в этом случае - лишь внешний способ обнаружения творческой активности, это стремление зафиксировать и продлить в слове состояния «инобытия».

В современном искусстве, как уже говорилось выше, можно обнаружить множество примеров переосмысления образов и мотивов эпохи «Fin de siècle». Одной из актуальных тем для литературы рубежа XX - XXI веков является трансформация психического состояния лирического героя в ситуации «кажимости» бытия. В качестве примера, наиболее полно иллюстрирующего данное утверждение, рассмотрим эволюцию и трансформацию «личин» лирического героя на материале поэзии одного из деятелей нынешнего «Fin de siècle» - немецкого поэта Адриана Хейтса.

Творчество Адриана Хейтса балансирует на грани между поэзией в классическом ее понимании и рок-поэзией, как одним из ее нынешних проявлений. В данном конкретном случае говорить о Хейтсе как об «англоязычном рок-поэте Германии» позволяет лишь факт «прочитывания» им стихов в сопровождении музыкального фона, не более того. Но темой данной работы, к сожалению, является не определение жанровой принадлежности творчества Адриана Хейтса, но эволюция образа лирического героя в его творчестве.

Если в нескольких словах выразить особенности поэзии Адриана Хейтса, то следует отметить тесное в ней слияние и переосмысление декадентских и экзистенциальных мотивов, что, собственно, и определяет круг основных тем и образов: одиночество и тоска, двоемирие, бегство от действительности, как протест против абсурда самой действительности, безумие, как способ коммуникации с окружающим миром, попытка познания и обретения себя через примеряемые личины, жизнотворчество, переходящее в мифотворчество и некоторые другие.

Рассмотрим эволюцию и трансформацию лирического героя на всем известном нам отрезке творческого пути Хейтса с 1993 по 2007 год. За истекший период им было издано 10 сборников, которые и являются десятью узлами нашего исследования.